

Давид Шраер-Петров



ДЕРЕВЕНСКИЙ ОРКЕСТР

ДАВИД ШРАЕР-ПЕТРОВ

ДЕРЕВЕНСКИЙ ОРКЕСТР
ШЕСТЬ ПОЭМ

Санкт-Петербург
«Островитянин»
2016

УДК 82-14
ББК 84(2Рос-Рус)
Ш85

На обложке:
Юри Аррак. Бегство. Холст, масло, 1971

Шраер-Петров Д.

Ш85 Деревенский оркестр: Шесть поэм / Давид Шраер-Петров. Под общей редакцией Максима Д. Шраера. – СПб.: Островитянин, 2016. – 64 с.
ISBN 978-5-98921-062-6

Поэмы русско-американского писателя Давида Шраера-Петрова, вошедшие в книгу «Деревенский оркестр», ранее публиковались в периодической печати, антологиях и авторских сборниках. Это издание приурочено к 80-летию автора.

50 экземпляров книги передаются в библиотеки и научные заведения России.

**УДК 82-14
ББК 84(2Рос-Рус)**

АРХАНГЕЛЬСКОЕ
ПОД МОСКВОЙ

АРХАНГЕЛЬСКОЕ ПОД МОСКВОЙ

Представь себе летящий бумеранг.
Представь себе тоску аборигена.
Вообрази Архангельское, белку,
Спасительный кораблик сигарет.
И ты поймешь, что нет верней примет,
Чем красное вино последних листьев,
Рассыпанных с деревьев в последнем висте.

Сосредоточимся на нескольких словах.
Сосредоточимся хотя бы на созвучьях.
Люби-мая-моя-а-я? Люби!
О, кастаньеты – грецкие орешки!
Вернется бумеранг. Орел иль решка
Нас ожидают в этом возвращенье:
Огнистость белки или ласки щеньи?

Пожалуйста, припомни Ленинград.
Пожалуйста, вообрази Исакий,
Куда ни забредешь, горит на солнце,
Как солнце родины, сияет золотой.

И сам я бумеранг с минуты той,
Что в день весенний на гранитной паперти
Поставил штамп любви в сыновьем паспорте.

Зачем же ты меня оторвала?
Зачем же ты меня уговорила
Менялой стать, кружение обменяв
Невы, мостов и липовых аллей
На вакханалью прихоти твоей?
А что если гранитной ностальгии ранка
Окажется свинцом для бумеранга?

Давай не будем белку прогонять.
Давай позволим белке порезвиться
Еще до выстрела, на мраморных плечах
Античных дев в Архангельском иль Царском.
А после в ресторанчике гусарском
Запустим в погреб за шампанским метрдоителя.
Салют прощальный – пробки полетели!

Так где же мы? Скажи мне, кто с тобой.
Так кто же я – герой или пройдоха?

Эпоха посмеется над моим
Классическим примером раздвоенья
Иль сделает хрестоматийным чтеньем
Судьбу несостоявшегося гения?
О, бумеранг – макет стихотворения.

Теперь осталось выразить протест.
Теперь осталась ты для воспрятья
Моей хандры, неверья, пустоты,
Хотенья, извращенности, изгойства.
Считать меня хозяином иль гостем
За семисвечья лет ты до того устала,
Как будто ведьмой на метле летала.

А тот, который за тобой летит,
Который бумерангом в нас запущен?
Какие кущи райские тебе
Сулит его просительное сердце:
Осенних листьев ноющее скерцо?
Он не виновен. Из последних сил
Его в тебя собою запустил.

Я сам ушел. Я больше не могу.
Я сам ушел. Прости. Дай отдышаться.
Табак осенних дымов пропустить
Сквозь легкие. Алеют жабры рыб.
Мы в океане листьев. Парк, ты рыж!
Парик твой рыжий, купол твой, Исакий,
Во снах блаженных снится мне – писаке.

ЛЕТАЮЩИЕ ТАРЕЛКИ

ЛЕТАЮЩИЕ ТАРЕЛКИ

Чудак-человек

Ты видел чудака?
Он бродит вдоль залива.
Подобие чулка
Чудаческая тень.

Он тащит по песку
Опилочную кофту
Своих метаморфоз
И мне внушает страх.

А в десяти шагах
От пляжевой стоянки,
Где виснет черный чад
И визг сановных чад,

А в десяти шагах
Тарелочка-беглянка,

Подброшенная (кем?),
Валяется в кустах.

Чудак, возьми ее,
Замерь, сфотографируй,
Она твоя мечта,
Нежданная любовь.

Сквозь чадов смех и чад
Табачный отрадируй,
Что ты вознагражден,
Что в прошлом маета.

И тени нет. Чулок
Дурацкий распустился.
Чужачества другим.
Тебе – семейный ад.

Но ты еще поймешь,
Что рано распростился
С отшельничеством, и
Попросишься назад.

Луна-парк

Этот город, поистине, с морем переплетен.
Даже чайки подворными птицами лезут в сады.
Это солнце-прядильщик в три тысячи веретен
Оплетает пространство и море, и чьи-то следы.

А чудак-человек, впрочем, в прошлом чудак-человек,
Разрывает тончайшую связь с небесами.
Он накормлен пространством, ему Провидение чек
Подарило, реалии мифа назвав чудесами.

О, прошу тебя, бывший чудак, ради прошлых минут,
У которых в плену я еще, слава Богу, пребуду,
Выкинь чудо-тарелочку, старый припомни маршрут,
Измени бытию ради сказки, бродяжки-приблуды.

Врут кассирши! Совсем это не луна-парк,
Где за двадцать копеек герои двадцатого века,
Разобравшись по принципу биологических пар,
Колесят в каруселях вокруг чудака-человека.

О, не верь! Колесо обозрения только для них – колесо.
А его смастерил тот же самый тарелочник старый,
Что из дальних миров разглядел твой залив и песок
И тебе предназначил продолжить дерзание Икара.

Это вовсе не парк, развлекательный космомакет,
Это вовсе не луг с аккуратнейшими стогами.
О, чудак-человек, это старт сенокосных ракет,
Вознесение женщин с планетными животами.

Трубочист

В черной фетровой ермолке
Трубочист в трубе парит.
Без умолку, без умолку
Он с Нечистым говорит.

Ну а что ему терять-то!
Хоть натешится за нас,
Разменяет на проклятья
Трубный час, свободы час.

В черной фетровой ермолке,
С поварешкой, помелом –
Ряженный с районной ярмарки,
Дьявол, негр иль костолом,

Или жид под псевдонимом
Негритянского лица
На велосипеде мимо
Убегает без конца?

Вихорь мчится в черных спицах,
На багажнике мешок.
Пролетает черной птицей.
На губах его смешок.

А в заплечном рюкзакишке
Что-то ценное лежит.
Переплавил в золотишко
Гарь судьбы смысленый жид?

Гарь судьбы он переплавил,
Залетевшей вестью горд,

Правду утаил без правил
Трубочист, хитрюга, черт!

Но тарелочка-летунья,
Издалека залетев
В пекло труб, решила втуне
Заслонить любовью гнев.

О чудак, твоя пропажа –
Чаек величальный крик.
Маску прочь! Под слоем сажки
Ясный лик.

Летние романы

Эти летние романы,
Поцелуи до утра.
Эти лестные обманы
Под навесом топора.

По-над речкой, по-над лесом,
Под тарелочкой луны.
Эти ветхие навесы,
Эти летние невесты,
И сомнениям нет места,
Все до гроба влюблены!

Даже пуговиц кругляшки,
Даже гальки-кругляши,
Желто-белые ромашки
И в пельменной беляши –
Все летающей тарелки
Сестры кровные теперь.
Эти летние царевны,
Им бы только дотерпеть,

Дотянуть, дожать, дожждаться,
Чтоб тарелочка-судьба
Не мешала обниматься,
Целоваться, обольщаться...

А потом – лети сама!

Туманы берез

Иосифу Бродскому

Меня запустили в такую туманную ночь,
Что капли житейских настоев успели осесть
На гранях души, награжденной за горе, точь-в-точь
Как куры высоким насестом в юдоли невест.

Мой друг, твой кораблик свои паруса размочил.
Чтобы их просушить, надо в гавань войти по реке,
Четыре моста миновать. Ты мосты различил
В тумане, что стелется по-над Невой вдалеке?

Я в этом тумане бреду, утопая в бреду.
Тянусь к тебе, брат. А ты свой кораблик увел
В бетонную гавань чужбины и строк череду,
В язвительный вздох по раздору заводов и сел.

И что я тебе? Ты в иных звездно-флагих мирах.
Тягучая память о дружбе, как анекдотичный сюжет.
Ужель сигареты зола – путей нашей родины прах?
И нет Ленинграда родимого, нет его, нет.

Меня запустили в такие глубины веков,
Что гены мои, нашатавшись меж гор и пустынь,
Готовы от грешной земли умчаться в туман облаков,
Лишь только бы облак берез отпустил и простил.

Язвительная девочка

Пускай ко мне тарелочку
Бездельнических слов,
Язвительная девочка
Живительных миров.

Пускай она опустится
Передо мной, согнав
Зеленую капустницу,
Кузнечика из трав.

Пускай она проносится
Над старым чудаком
В пенсне на переносице
И с теньвым чулком.

Пускай ко мне тарелочку.
Тебе ее верну.
Язвительная девочка,
Прости мою вину.

Икар

Юри Арраку

Маяки не успели зажечь.
Медяки не успели растратить.
Мастаки расплатиться за желчь –
Мистике не сумели потрафить.

Мы швыряем себя вопреки
Мысли, что побережься недурно.
Хоть в карманах звенят медяки,
Мы расплачиваемся натурой.

Мы бродяги в брожение миров.
Наши души – тарелки-летяги.

Милый друг, потому я суров,
Что почувствовал страшную тягу

К перемене насиженных мест,
К сочетанию туч и угара.
Покидаю родимый насест,
Погружаюсь в пучину Икара.

1976

ДЕРЕВЕНСКИЙ ОРКЕСТР

ДЕРЕВЕНСКИЙ ОРКЕСТР

*Филя любит скотину,
Ест любую еду,
Филя ходит в долину,
Филя дует в дуду!*

Николай Рубцов

Три зеленых инвалида пьют сивуху под ракиновым кустом.
Из лугов полезли уши – зимний корм для лошадей и для коров.
Превосходно, если ноги из ушей торчат, и это – летний дом,
Деревенскому оркестру хоть на месяц сенокоса верный кров.

Это жизнь. Она сама свои мелодии раздорные кует.
Молот бьет по наковальне, фаллос в лоне исчезает, ноги хлюпают
в трясине, дробит речка поплавочек, инвалид сосет сивуху
в сенокосном шалаше.

Над звенящею травую, громыхающим колодцем, над угарною трубою,
над стрекочущим комбайном
солнце лисьими хвостами
поутру в литавры бьет.

Тонким шелестом березы
деревенского оркестра звуки прячутся в душе.

Я тебя не понимаю: как ты можешь, пролетая в белом облаке над лугом,
деревенского оркестра беснованье миновать?
Карася отсос смертельный, жадный оклик инвалида, бедер-ведер
кормысленно-бесмысленных качанье и кукушки, ох...евшей,
причитанье миновать?

В этом силосе вонючем, в этой смеси забродившей: трав,
болот, пометов, слизей, песен, воплей, возлияний, покаяний и слияний,
той – бывлой души потемки и просветы затаились, ты их хочешь миновать?
Скрип уключин, скрип телеги, скрип сапог, калитки, пробки,
коростеля и постели – как ты можешь миновать?

Это жизнь, она свои мелодии разбродные плетет
из ракитовых кусточков,
из тропинок небесных,
из березовых листочков – все еще не оборвали.

Но оркестра деревенского простая партитура – проституткой,
глупой дурой не пошла в постель к приезжим дирижерам-дебютантам,
Любознательным, прилежным, расколдовывавшим знаки, песен луговых
значочки на линейках – вместо злаков, колосившихся на
стволиках хлебов. О, звон серпов! Когда здесь жали?!
Я тебя не понимаю, ну а если понимаю, то давно не принимаю
поклонение твое урбаническим талантам.

Вот я весь: река и облак, хлеб и травы, и болото, и автобус, уносящий из тебя осуществление невозможных переездов.

Вот культа моей души, вот сивуха слов и звуков, вот он – девственный карась, отсосавший все приманки милой родины моей и попавшийся на крюк.

Вот и труппа: оркестранты, дирижеры-дебютанты, инвалиды и завмаги, проститутки, институтки и секретные бумаги (тоже роль они сыграли или партию вели, но куда?), огородные страшилы, грабли, вилы, пилы, груди, протыкающие грусть, или грузди, протыкающие мхи, бездны смысла, чепухи, утекающие силы, ужасающей милой погружающие бездны...
Всем теперь пришел каюк.

О, шалаш, шалаш распивный, ты – разливный, символ счастья, сена взбитого кудели, ты – ослиные качели, ведь качаются же уши.

Превосходно, если уши и колени сладким воплем сведены в одном зигзаге.

Это знак, что деревенский партитуру крепко знает, реквием себе сыграет, что оркестр не продался шалашовкам. О, как глушит наши души вой моторов, но оркестра деревенского (как тесто) плач по гибнущей деревне (через край квашни) прольется
В поминальной пьяной браге.

1981–2005

БЕГУН

БЕГУН

Посвящается Иосифу Бегуну, узнику Сиона

Мне снился сон:

Огромный стадион,
Распахнутый, что ухо великана,
Или овраг, или каньон,
Заваленный камнями до отказа.
Камнями или головами?

Я всмотрелся:

Красноугольные орудия камнищи,
Их тыщи сотни тысяч на трибунах,
Блестящих мясами щекастыми и слюдами очей.
Их каменные челюсти жевали,
Кошмарные губищи их плевали,
А кулачищи кирпичами потрясали.
А пасти каменные вражно выкликали:
БЕГУН, БЕГУН, БЕГУН, БЕГУН, БЕГУН, БЕГУН...
Да так, что обмер бы татарин, печенег и гунн.

Руками отбивался я во сне
От лапищ их, струящихся бутылками.
Они же, в раж войдя, кирпичными затылками
Звук вышибали из бетонновых трибун:
БЕГУН, БЕГУН, БЕГУН, БЕГУН, БЕГУН, БЕГУН...

Я заслонял его, бегущего, от ливня стекл бутылочных,
Зеленых, оголенных, обозленных,
За то, что вынул их когда-то из болот картавый лгун,
За то, что обольстил елеем назарейским мученик-ведун,
За то, что мыслей праведных возгнул над черепом колтун.
Грозятся выскочить из чаши каменной,
Грозятся высшей карою и праведной:
Зачем рукой нечистой ты коснулся русских струн,
БЕГУН, БЕГУН, БЕГУН, БЕГУН, БЕГУН, БЕГУН?..

Он, проходя смертельные спирали,
Ловя частички Божьего дыханья,
Засыпанный осколками, окурками, оскалистою бранью,
Стирая пот кровавый ангельскою дланью,
Им выдыхает:

Русских струн я не касался,
Чужие мы, родным я не казался,
Хоть с вами я в обнимку и валялся
На плахах нар, в промежностях канав,
Хоть пот у нас подобно вышиблен, кровав,
Я – иудей
И русским не казался!
Зачем остался, воплет стадион,
Стогов не вороши ты наших. Вон!
Беги! Там ждут тебя и манна, и каплун.
Беги! Уматывай!
БЕГУН, БЕГУН, БЕГУН, БЕГУН, БЕГУН, БЕГУН...

Куда бежать?
Куда ему бежать?
Ворота перекрыла ошинеленная рать.
В проходах роты мрачные стоят.
Куда бежать?
Глоток души зажать
И в чреве каменном
БЕЖАТЬ, БЕЖАТЬ, БЕЖАТЬ, БЕЖАТЬ, БЕЖАТЬ, БЕЖАТЬ...

Где я?
Во сне над ним лечу?
Остановись, БЕГУН, ему кричу,
Остановись, иначе сердце улетит
В эфир, в бескрайность, в жалящий зенит.
Остановиться? Что ты, мальчик мой!
Ты видишь, между каменной стеной,
Орущей чашей стадионовой и мной
Площадка, плац, асфальта пятачок,
Десяток женщин, как десяток строк,
Которые ничтожно изломать,
Избить, испепелить, на клочья изорвать,
Десяток женщин-отказниц стоят,
У каждой на груди висит плакат.
Ты видишь, среди них твоя жена
С плакатом ОТПУСТИТЕ БЕГУНА!
Мне рать охранников, мой мальчик, не прорвать,
Не вырвать отказниц из пасти стадиона,
Как из меня ни публика, ни рать
Не вырвут стона.
Мне остается, БЕГУНУ, – БЕЖАТЬ,
БЕЖАТЬ, БЕЖАТЬ, БЕЖАТЬ, БЕЖАТЬ, БЕЖАТЬ...

Как долго?
Вечно!
Знаю я наверно.
Бежать от зябких воскресений вербных,
Когда несут
Обломанные ветки.
Мой мальчик, нам отсюда не сбежать.

Я – Вечный Жид,
Летучий я Голландец,
Пружина каменной утробы,
Механизм,
Который держит русский афоризм,
Включающий в себя спасение России
И убиение потенциального Мессии.
Вот он – мой фатум, вот моя звезда:
Бежать под рев окаменелых глоток,
Бежать под автоматами охранниковой роты,
Бежать под трепет ангельских плакатов,
Бежать под крик твоих поэм, мой мальчик, угловатых,
Поэм, которые читаешь ты и другу, и врагу.

Я – Вечный Жид российский,
Я – БЕГУН, БЕГУН, БЕГУН, БЕГУН, БЕГУН, БЕГУН...

Во сне ли я?
Иль на предсмертном берегу,
Где катит Стикс свои глухие воды?
Зачем же ты бежишь от воли и свободы?
Дай руку мне, БЕГУН,
Перелететь через бетонные ограды помогу!
Я не могу, мой мальчик, их оставить,
Упасть, перелететь иль умереть.
К ногам отказниц подкатали воды Стикса.
Нельзя мне сбиться или уклониться,
Замедлить шаг, с тобою улететь.
Им будет смерть.
Сорвутся головы толпы, как каменные ядра,
Помчатся кулачищи кирпичей.
Ты не увидишь более жены своей.
Моя свобода – это ли награда
За одиночество твоих последних дней?

А что охрана?

Охранники, как тоненький ручей,
Уйдут в песок, стряхнув свои одежды,
С толпой сольются.

Слюдяные вежды

Их каменно сверкнут во грохоте камней.

И нет на стадионе никого:

Охраны и толпы бушующей.

Лишь в центре, там, где были прежде отказницы,
Нагроможденье ядер каменных иль черепов –
подобие гробницы.

А за оградой стадиона – новый гул,

Сюда стремятся новые колонны

Из Фря, из Мы, из Лю...

Зря мы, зря я, зря эти орды злю.

Толпа воспроизводится в стране своей законно.

Охранники и каменные парни возникают непреклонно,

Не требуя охранных грамот, декретов или булл.

Что делать нам, БЕГУН?

Мой мальчик, мне бежать!

Давид Шраер-Петров

Бежать по кругу, чтоб трибуны удержать...
Но как бежать пред ликом каменных трибун,
Не возмущая русских струн?

БЕГУН, БЕГУН, БЕГУН, БЕГУН, БЕГУН, БЕГУН...

1987

ЖЕЛТАЯ ЗВЕЗДА

ЖЕЛТАЯ ЗВЕЗДА

И над моей могилою еврейской...

Иосиф Бродский

1

Метель по улицам чудила
И в ленинградской полумгле,
Как перепившая чувиха,
Стриптиз плясала на столе.

Стол состоял из крыш, гранита,
Асфальта, спин, автомашин.
Возможно ли найти границу
Одушевления и души?

В такие дни печально Питер
Приподнимает воротник.
Мой дом, как на приколе катер,
Причально к деревьям приник.

Я никого не ждал в тот полдень
В свою окраинную тишь.
Коль не дано отцовских Болдин,
В любую непогоду творишь.

Для поэтического транса
Мне осень вовсе не нужна.
Ее богатое убранство
Пугает стих. О, тишина

Снегов, лежащих на тени
Ветвей, которые снегам
Открыты, словно взглядам – тело.
За ярость красок не отдам

Печаль глухого предвесенья,
Когда отрезанность велит
В поэзии искать спасенья
От нелюбовей и обид.

2

В такую смутную погоду
Дверной звонок заголосил
И стихотворную свободу
Под корень слабенький скосил.

И молнией сорвавшись с клена,
Лист желтый – желтая звезда –
К окну прижался оголенно,
Одновременно дар и мзда.

И в подтверждение приметам
Дверь отворилась. Он вбежал:
Лист пожелтевший и комета,
Мольба и ранящий кинжал.

Он был – промерзший лист кленовый,
Пылавший в белую метель,
В румянце тяжелобольного,
Но отклонившего постель.

«Велосипед сквозь снег, вдоль рельсов
Меня с трудом сюда довез.
У вас в Лесном пейзаж карельский,
И рядом свищет паровоз.

Здесь Пушкина вдова – Наталья –
Жила в имении Ланском.
Ты видишь: снега вакханалья
Кружится в танце шутовском!»

К окну метнулся: «Снегириха
Разбилась как-то... В зеркала
Она, как в сад, влетела лихо
И свечкой на пол оплыла...».

В окне он лист увидел мертвый,
К стеклу горячий лоб прижал:
«Мне надоело биться мордой
В опустошенный мой причал!

Пойми, я – желтая повязка
На собственных моих глазах,

Апрельских льдов лихая пляска.
Их мертвый гон пророчит крах,

Любовный дьявольский дикарский
Мужской, плебейский! Глупый бред!
Осталось верное лекарство:
Гнать сквозь метель велосипед,

Бежать, бежать в дыру любую
От вьюжности ее волос.
Но как бежать, когда люблю я
До ощущения колес

На горле? Скоро вереницей
Старухи с вербой побредут.
Ах, Вероника, Вероника,
Снега с тобой нас разведут.

Метель, зачем меня ты дразнишь
Листом, прикованным к стеклу?
Да черт с ним, брат! Устроим праздник!
Затопим печку и к теплу

Присядем. Почитай, пожалуй,
Свои любовные стихи».
Читали до ночи. Дрожали
В печи огни, как петухи.

Они истошно голосили,
В золу шарахались с полен,
Как девочки ночной России
В траву с ликующих колен.

3

Это дуракаваляние,
Эта дружба второпях,
Это душеизлияние
С безучастием в глазах.

Этот снег январский колющий,
Эта церковь на крови.
До процесса далеко еще.
«Милый, рви отсюда, рви!»

Но настойчивее штопора,
Обреченнее вина,
Он махнул перчаткой штопанной:
«Эта мысль для тех верна,

Кто не распознал призвания.
Ну, а коли распознал,
Денег жаждет и признания,
Словно слава – не провал!

Мне дороже снег над церковью,
Над каналом, надо мной,
Чем безумие и цеховость
Разобщенности людской.

Рвать? Но как с полукандальными
Бдениями над листом?
С выступленьями скандальными?
С Питером? Здесь отчий дом!

С Вероникой? Помнишь майскую
Возбужденную Неву?
Мы читали. В окнах марево.
Был во снах я? Наяву?»

4

На плоту российской тоники
Плыл он к той, что у стены
Притаилась. К деве в тунике,
Сшитой болью из вины.

Что читалось? Что картавилось?
Вознесение? Провал?
Помню, вокруг ее рта вилась
Презиращающая зал

Та улыбка Джиокондова,
Похоти и девства смесь,
Та, которой околдована
Жизнь его – и там, и здесь.

Усмехнулась и, влекущая,
С плеч призывных скинув плед,
Отвернулась, словно скучно ей
Слушать тот еврейский бред.

Второпях на сцену глянула
И под стиховой мотив
В дверь, в окно ль, как ведьма, канула,
Стул прощально уронив.

5

Как будто бы не было крова,
Лишь тучи над Балтикой.
Тропами Комарова
Брел мученик-баловень.

Рыжие космы приникли
К золоту кленов,
К плачу по Веронике,
Который – орла клетот.

«Брат, ты куда?» «Воды
Посуху одолею».

«Баловень, что свобода,
Если разлука с нею?»

«Скоро уйду в дали».

«Мученик, будь с нами».

«С ней мы чужими стали».

«Баловень, станешь снами».

6

Питер исколесив от кладбищ и до залива,
Скоростью полоснув по животу Невского,
Я вырвался из памяти сиротливой,
Я мчался вдоль пашен и перелесков.

Была суббота. Я мчался мимо бензозаправок,
Перелесков и полей картошки, глотая
Слезы прощания с городом, где мы считали за право
Первой ночи – по кругу читать стихи, болтая

О девочках между делом и велосипедах,
На которых можно домчаться до Комарова,
Где над Щучьим озером, захлебнувшись в беседах,
Голоса стихотворцев повисли жертвенной коровой

В скотобойне общения. Я прощался
С четырьмя мостами, с родными местами,
Откуда умчал его не дощатый
Ялик, а милицейский ворон с решетками-крестами,

Приготовленными и для оставшегося на родине круга.
Это пыль на шоссе? Туман на Охте? В Манхэттене?
В Челси?

Впрочем, должен сюжет развиваться упруго
Для пользы читателя и для поэта чести.

Что же касается меня – некошернейшего еврея,
Я субботу нарушил, руль обнимая жарко.
Гнал машину, как будто матрос на реях,
Увидевший землю, кабак и долгожданную чарку.

7

Что же касается его, то под самой Москвою,
В темени августа, среди российских просторов
Я был остановлен мерцающей желтой звездой,
Которая плыла куда-то в ритме балладных повторов.

Она была, как лист осеннего клена,
Припавший ко лбу ночного неба.
Капли крови падали с лучей раскаленных.
Что хотелось звезде: любви или гнева?

8

Что же касается его, то на исходе столетья,
Возвращаясь из траурного Нью-Йорка,
Я опять увидел над шоссе лучи раскаленные эти
Желтой звезды,
припавшей к вершинке придорожной елки.

ВИЛЛА БОРГЕЗЕ

ВИЛЛА БОРГЕЗЕ

Случались собаки на Вилле Боргезе,
Случались в том смысле, что обитали.
Случались, собачью трубя бордельезу,
Случались, хвостами трубя. О, детали!

Конкретная музыка тел шелестящих,
Балетная – пляска собачьего тела,
Конкретная – плачь по России болящей,
Балетная – плач. Унеслась, улетела.

Собакою с римскими псами на Вилле,
Скользучею рыбой из Тибра – по травмам.
Забуть, как доили, давили, травили?
Забуть окаянную ласку Державы?

На Вилле Боргезе в ночи итальянской,
На самой роскошной окраине Рима
Бездомной собакою выть по российским,
Навеки потерянным, неповторимым.

В траве, перепутанной с волосами,
Очнуться прижатым хвостами к ограде,
Очнуться под римскими небесами,
Твердя полоумно: ах, Наденька-Надя,

Ах, Вера-Верунчик, ах, Любушка-Люба,
Валюша, Марина, Катюша и Зина.
Здесь тянут ко мне пуританские губы
Трезвейшие новоанглийские зимы.

Когда умирать мне придется, чуть живы,
Прошепчут мои полумертвые губы:
Мы стали чужими, Россия, чужими,
А были своими сыны Иегуды.

Как это забавно валяться в обнимку
С последней бутылкой, с последним приветом
На Вилле Боргезе, как старому снимку –
На свалке истории вместе с конвертом.

На Вилле Боргезе якшаться с трубящей
Компанией псов, абсолютно античных.
О, Боже! Ну что же Тебе до болящей
Души и до мраморных анемичных

Созданий, наставленных между стволами,
Как в Летнем саду, где когда-то ночами
Гуляли по стежкам-дорожкам, стояли
Ночами под бледными небесами.

Какие архангелы в трубы трубили!
Какие опричники-псы нас губили!
Какие иуды в любви нас топили,
А мы все равно эту землю любили.

Она отвергала нас, отторгала,
Она изводила, греховно зачатых,
А нам не хватало, нам все было мало,
Пока нас не сжили со света, проклятых,

Давид Шраер-Петров

Пока не добрал я до варварской Виллы,
Где псы и античные девы толпою
По стежкам-дорожкам гуляют, как, милый,
Помнишь, гуляли дома с тобою...

1987-1990

СОДЕРЖАНИЕ

Архангельское под Москвой	3
Летающие тарелки	9
Деревенский оркестр	23
Бегун	31
Желтая звезда	41
Вилла Боргезе.	55

ВЫБРАННЫЕ КНИГИ ДАВИДА ШРАЕРА-ПЕТРОВА:

Холсты. Стихи. – М., 1967.

Поэзия и наука. Эссе. – М., 1974.

Друзья и тени. Роман с участием автора. – New York, 1989.

Песня о голубом слоне. Стихи. – Holyoke, MA, 1990.

Вилла Боргезе. Стихи. – Holyoke, MA, 1992.

Герберт и Нэлли. Роман. – М., 1992; 2-е изд. – СПб., 2006;
3-е изд. – М., 2014.

Москва златоглавая. Литературные воспоминания. –
Baltimore, 1994.

Пропавшая душа. Стихи. – Providence, 1997.

Петербургский дождь. Стихи. – СПб., 1999.

Французский коттедж. Роман. – Providence, 1999.

Замок в Тыстемаа. Роман. – Tallinn, 2001.

Барабаны судьбы. Стихи. – М., 2002.

Форма любви. Стихи. – М., 2003.

Эти странные русские евреи. Романы. – М., 2004.

Генрих Сапфир: Классик авангарда. (В соавторстве
с Максимом Д. Шраером). – СПб., 2004.

Карп для фаршированной рыбы. Рассказы. – М., 2005.
Водка с пирожными. Роман с писателями. – СПб., 2007.
Две книги. Стихи. – Philadelphia, 2009.
Охота на рыжего дьявола. Роман с микробиологами. – М., 2010.
Третья жизнь. Роман. – Луганск, 2010.
Линии-фигуры-тела. Стихи. – СПб., 2010.
Невские стихи. – СПб., 2011.
История моей возлюбленной, или Винтовая лестница.
Роман. – М., 2013.
Кругосветное счастье. Рассказы. – М., 2016 (готовится).

Давид Шраер-Петров
Деревенский оркестр
Шесть поэм

Под общей редакцией Максима Д. Шраера

*В оформлении обложки
использована репродукция картины
Юри Аррака «Бегство»*

Выпускающий редактор Ирина Беляева
Верстка Натальи Косыгиной

По договору №37 от 26.10.2015

Подписано в печать 25.11.2015
Формат 70×100¹/₃₂. Бумага офсетная.
Гарнитура OpenburgC.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 4,0
Заказ № 375. Тираж 200 экз.

Издательство ООО «Островитянин»,
199106, Санкт-Петербург, пл. Морской славы, 1,
БЦ «Морской вокзал», оф. 6025

Отпечатано в типографии издательско-полиграфической фирмы «Реноме»,
192007, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, 40

ISBN 978-5-98921-062-6



9 785989 210626